

не совпадают и задачи, для которых сцены переправы через реку введены в эти произведения. В песне с молодым мотив перевоза служит формой героизации молодца; его в конечном счете «непереправа» означала, что «в нем нет важных нравственных качеств, столь необходимых настоящему герою».¹¹ В «Сказании» «непереправа» князя через реку — это просто препятствие на пути преследуемого князя: автор ввел это препятствие только для того, чтобы оттянуть развязку и драматизировать события.¹²

Лишенный возможности переправиться на тот берег, «бояся за собою людей погонщиков», князь бросился бежать вдоль реки. Приближалась ночь, необходимо было где-то укрыться, но «пусто было место в дебри». И вот наконец князь наткнулся на «струбец», где был погребен «упокойный мертвый». Это было единственное убежище и «забыв страсть от мертвого», князь «влезе в струбец той, закрывся» в нем и «почини» в нем всю «нощь» до утра.

Является ли этот эпизод отражением какой-то местной, может быть окской, легенды или он придуман самим автором, трудно сказать, но прав С. К. Шамбинаго, что вся картина темной осенней ночи в лесу, описание ночлега раненого князя в срубе с мертвецом, «явно рассчитана на возбуждение чувства жуткого» и «дает, может быть, один из наиболее ранних образов романтического приема изложения с целью вызвать у читателя определенное настроение».¹³ Добавим, что особый интерес с точки зрения развития художественного мастерства представляет в этом эпизоде «Сказания» пейзаж, который уже сам по себе углубляет тревогу читателя за судьбу героя.

«Струбец», где «ухоронися» князь, не спас его от смерти. Растерявшиеся сначала, затем ободренные своей любовницей, Кучковичи отправились с псом-выжлецом в погоню за князем. «Побежав пес зле Оку-реку» по следам хозяина «и добежав до того струпца упокойного, где ухоронися князь», «забив ... главу ... в струбец». Увидев в нем хозяина, пес «нача ему радоваться ласково»,¹⁴ и убийцы «скоро скача», сорвали «покров струбца того» и «люто» расправились с князем.

Лишенное историчности описание убийства князя Даниила выполнено художественно правдиво и убедительно рисует доверчивого князя, не подозревающего ни коварных замыслов Кучковичей, ни возможности быть обманутым перевозчиком, трусливых убийц, растерявшихся, когда князь скрылся от них, настойчивую злобу княгини и даже радость «пса-выжлеца», нашедшего любимого хозяина. Каковы бы ни были литературные и фольклорные источники автора, он сумел в этом эпизоде создать вымышленную, но художественно правдивую и в целом, и в деталях картину убийства, выразительно охарактеризовать всех участников этого события, внушить читателю самим способом изображения свою оценку их. Литературное умение автора «Сказания» в повествовании о семейной драме князя

¹¹ Б. Н. Путилов. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 233.

¹² Но и в тех песнях с мотивом перевоза, где наличествует перевозчик, самый эпизод с переправой несет по сравнению со «Сказанием» совершенно иной смысл и служит иным художественным задачам (см.: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 81—82 («Князь Роман и Марья Юрьевна»), стр. 109—110 («Девушка бежит из плена»)).

¹³ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 87.

¹⁴ Останавливая свое внимание на «бегущем» псе, который при виде своего хозяина бросается к нему и тем самым выдает его убийцам, С. К. Шамбинаго высказывал следующее предположение: не могло ли на появление в «Сказании» пса-выжлеца «повлиять сравнение Кучковичей в хронографической повести («Повести о зачале Москвы», — М. С.) „яко следящий пси бросаются они на князя“»